

УДК 343

**ПРИКАЗЫ И ИХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ В
МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII ВЕКА****Упоров Иван Владимирович,**

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

Развитие Московского государства в XVII в. характеризуется дальнейшей централизацией социально-экономических отношений, на вершине властной пирамиды по-прежнему находились монарх (царь) и боярская дума. При этом значительно укреплялся институт приказов как центральный государственный аппарат управления. Это относилось и к уголовно-судопроизводственной сфере. В статье рассматриваются особенности правового регулирования уголовно-процессуальных полномочий некоторых приказов. Акцент делается на расследования преступлений, посягающих на властные структуры. Анализируются соответствующие нормы правовых актов, и прежде Соборного уложения 1649 г., другие документы того времени, научные труды. Делаются обобщения, в том числе показывается, что в рассматриваемый период так и не сложился приказ, в ведении которого были бы дела по государственным преступлениям (это произойдет в XVIII в.).

Ключевые слова: приказ, Соборное уложение, преступление, государство, расследование, полномочия, суд.

**ORDERS AND THEIR CRIMINAL PROCEDURAL POWERS IN THE
MUSCOVITE STATE OF THE 17TH CENTURY****Uporov I. V.,**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

The development of the Muscovite state in the 17th century was characterized by the further centralization of socio-economic relations. The monarch (tsar) and the boyar дума remained at the apex of the power pyramid. At the same time, the institution of the orders as the central state administrative apparatus was significantly strengthened. This also applied to criminal proceedings. This article examines the legal regulation of the criminal procedural powers of certain orders. Emphasis is placed on the investigation of crimes that encroach on power structures. The

article analyzes relevant legal provisions, including the Cathedral Code of 1649, other documents of the time, and scholarly works. Generalizations are made, including the demonstration that during the period under review, no order was established with jurisdiction over cases of state crimes (this would occur in the 18th century).

Keywords: order, Cathedral Code, crime, state, investigation, powers, court.

С усложнением функций государства в Московии непрерывно совершенствовалась система государственного управления. Так, в XV в. стало практиковаться осуществление отдельных функций государства боярами, а также неродовитыми, но грамотными чиновниками (дьяками), появились такие должности, как казначей, печатник, разрядный и ямской дьяки, их помощники; они исполняли свои обязанности в «избе», на «дворе», которые существовали довольно долго, и затем в централизованном Московском государстве стала формироваться приказная система, получившая наибольшее развитие в течение XVIIв. [1, с. 66] В судопроизводственной сфере было несколько приказов, которые делились на приказы с общей судебной функцией - судные приказы, и приказы со специальной подсудностью - Холопий, Поместный, Стрелецкий и др. Суду подлежали «все люди Московского государства от большего и до меньшего чину». Согласно ст. 2 Гл. X Соборного уложения 1649 г., «спорныя дела, которых в приказах зачем вершити будет не мощно, взносити ис приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси, и к его государевым бояром и околничим и думным людем. А бояром и околничим и думным людем сидети в полате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем въместе» [2]. Следует заметить, что в этом важнейшем акте Московского государства содержалось немало уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм [3, с. 140], которые в немалой степени уже сходны с привычными в настоящее время [4, с. 29].

Что касается системы подсудности, то она была сложной и запутанной. В основании подсудности можно выделить три признака. Первый признак - место жительства. Жители городов и уездов, кроме владельческих крестьян и холопов, были подсудны своим воеводам и тем приказам, компетенция которых распространялась на данную территорию. Вторым признаком - сословная и служебная принадлежность, так, патриаршие люди судились на патриаршем дворе, церковные, монастырские власти и их крестьяне - в Монастырском приказе, стрельцы и казаки в Стрелецком и Казачьем приказах и т. п. Третий признак - характер рассматриваемого в суде дела. Дела по обязательствам рассматривались в судных приказах, поместные, вотчинные дела и дела о крестьянах - в Поместном приказе, дела о холопах - в Приказе Холопьяго суда и т. д. По мнению В.М. Панеях, преобладающим был сословный принцип подсудности [5,с.188]. Вместе с тем анализ судебно-процессуальных норм Соборного уложения (прежде всего ст. 20 и др. в Главе X) дал другим авторам полагать, что в большинстве случаев на первый план выходили судные приказы (Судный Владимирский, Судный Дмитровский, Судный Казанский, Судный Московский) [1, с. 85].

При анализе приказов как судебных органов необходимо иметь в виду, что важную особенность судопроизводства того времени - отсутствие отделения суда от административных органов в своевременном понимании этого вопроса (в контексте принципа разделения властей). Однако при этом законодатель не выделял чиновников-судей, которые занимались этим на постоянной основе, что отражало явное доминирование розыскной формы судопроизводства (охрана прежде всего интересов государства, а не частных лиц). Государственные преступления посягали на общественные интересы, поэтому дела возбуждались, расследовались и рассматривались в суде в

решающей степени не по волеизъявлению истца или ответчика, а по решению органов и должностных лиц государства [6, с. 83]. В этом контексте Соборное уложение, как это следует из анализа Главы XXI, устанавливало единые основания для возбуждения уголовного преследования, независимо от социальной принадлежности обвиняемого. И ответственность за уголовные преступления несли все лица феодального общества, не исключая бояр и дворян. Вместе с тем оставался четко выраженным основной принцип феодального права права-привилегии. Степень наказания определялась в зависимости от сословно-социальной принадлежности потерпевшего и преступника [7, с. 89].

Согласно ст. 1-4 Главы XXI Уложения уголовное судопроизводство осуществлялось губными старостами и целовальниками, воеводами, разбойным и Земским приказами [2]. Разбойный приказ был одним из органов центрального управления, возникший в ходе осуществления губной реформы с 1539 г. до середины 1550-х гг. и имел важнейшее значение в уголовно-процессуальной сфере Московского государства [8, с. 39]. Земский приказ (Земский двор) был создан во второй половине XVI в. как правительственное учреждение, наблюдавшее за порядком и благоустройством Москвы и ведавшее судопроизводством по делам о разбоях и грабежах, совершаемых в столице.

Будучи центральными учреждениями, приказы как судебные инстанции осуществляли производство по уголовным делам в самой Москве, если эти дела не брали в производство сам государь или Боярская дума. Помимо этого, приказы были своеобразными посредниками между воеводами, которые осуществляли уголовный процесс в провинциях, и верховной судебной властью (государем и Боярской думой). Об этом свидетельствуют многие документы. Так, воеводы, при затребовании розыска в Москву, доносили в своих отписках, что отсылаемым за поручками за поручками с приставом извещали и обвиняемому «велели они явиться в приказ». И здесь, в приказах, думные или иные дьяки, руководители приказов, продолжали начатый воеводами розыск, в частности, «расспрашивали» извещателя и обвиняемого в государственном преступлении сначала с «простым увещанием государева дела не таить», после чего, если оставались сомнения, производили допрос «с пытки». Если же обвиняемый был уже пытан воеводой, то, по мнению Н. Новомбергского, приказ, видимо, самостоятельно решался на повторную пытку, приказ распоряжался и о мере пресечения [9, с. 42]. Такого же рода уголовно-процессуальные действия в приказах осуществляли и в тех случаях, когда дело обвинение в государственном преступлении начиналось непосредственно в приказе [10, с. 167].

Однако сразу следует заметить, что самостоятельность приказов не выходила за рамки лишь первоначальных действий – дело в том, что близость приказов к органам верховной власти делала необходимой и, самое главное в данном случае, возможной безотлагательный доклад в вышестоящую инстанцию. Нужно также иметь в виду, что сам факт перенесения дела из провинции в Москву свидетельствовал о повышенном внимании верховной власти к нему и соответственно в приказах не могли, помимо первоначальных следственных действий, осуществлять дальнейшее расследования без надлежащей санкции сверху. Соответственно приказы можно в определенной степени расценивать как передаточное звено в процессе рассмотрения, принятия решения и исполнения приговора по государственному преступлению – в приказы поступают воеводские отписки, от них же исходят государевы грамоты, адресуемые воеводам, в которых содержатся решения верховной власти.

На этой посреднической практике, собственно, и стали вырабатываться основы приказной судебной самостоятельности, уточняться значение приказа как влиятельной инстанции, которая может воздействовать как на направление розыска по политическому делу, так и на выработку окончательного решения. Например, в ответе на воеводскую отписку по государеву делу приказ иногда по собственной инициативе, без доклада

государю и боярам, посылал воеводе распоряжение передать дело для дальнейшего розыска в Москву [10, с. 159] или, например, передопродать свидетелей [10, с. 170]. Как видно, самостоятельность приказов в отправлении некоторых судебных функций (подчеркнем – лишь некоторых) вытекает из роли приказов как докладчиков органам верховной власти – прежде чем «выписать в доклад» полученную от воеводы записку, тот же думный дьяк сначала оценивал ее с позиции важности дела, о котором информирует воевода, в частности, разрешая, исходя из этого, вопрос о том, не следует ли розыск перенести в Москву. Кроме того, выяснялась степень законченности розыска, уже произведенного воеводой. И только после этого приказные чиновники составляли выписку в доклад для государя или бояр.

Важная функция приказа в рассматриваемом контексте состояла также в том, что приказные чиновники должны были на основе государевых помет, как правило, весьма кратких и зачастую неопределенных, должны были составлять тексты развернутых государевых грамот, в которых истолковывались предварительные пометы государя воеводских отписках. Так, в одном из документов в отношении одного подсудимого в пометах государя выносятся обвинительный приговор, в отношении другого нет никакого упоминания. Соответственно приказ, составляя государеву грамоту, добавляет в нее распоряжение освободить или «из-за приставов выкинуть» последнего, поскольку до не него «государево дело не дошло», то есть государь не считал нужным вообще об этом подсудимым поднимать вопрос [9, с. 190]. Путем такой корректировочной практики приказы со временем добились (к середине XVII в.) определенной судебной-процессуальной самостоятельности по делам о государственных преступлениях, а именно они постепенно в большинстве случаев стали не только истолковывать и корректировать первоначальные наброски органов верховной власти, но и по сути принимать решения, которые были прерогативой верховной власти [11, с. 603]. Так, приказы самостоятельно разрешали политические дела, по которым изветчик, сказавший о государевом слове, что служило поводом для возбуждения соответствующего уголовного дела, при первом же расспросе сознавался, что за изветом никакого государева слова нет, а затеял он такое государево слово «пьяным обычаем или избывая побоев».

На соответствующих письменных документах можно встретить пометы, например: «по приказу дьяков послать государеву грамоту», «дьяки, слушав расспросных речей, велели». В данных случаях к государю и боярам как физическим лицам, олицетворяющим судебную власть, добавляются дьяки. Однако здесь нужно еще раз подчеркнуть, что такое положение в течение всего XVII в. не было закреплено в законодательстве. Вместе с тем нельзя игнорировать и складывающейся практики. Более того, есть все основания полагать, что именно из такого института «дьяков» или «дьячества» впоследствии разовьется институт профессиональных судей. Но при этом, как отмечалось выше, специального «розыскного» или «судебного» приказа, в исключительном ведении которого «стягивались» бы все дела по государственным преступлениям, так и не было сформировано. Правда, некоторые авторы полагали, что таковым приказ был приказ тайных дел, однако детальное исследование этого аспекта еще историками периода российской империи показало, что указанный приказ в рассматриваемом контексте не являлся исключением. По этому поводу И.Я. Гурлянд отмечал, что «участие приказа тайных дел в сыске по государственным преступлениям несколько не было интенсивнее, чем во всяких других делах; через этот приказ царь вел лишь весьма немногие дела» [12, с. 38].

Очевидно, что подсудность при рассмотрении каждого конкретного дела, связанного с совершением деяния, в котором содержались признаки государственного преступления, определялась каждый раз подсудностью лиц, замешанных в преступлении (здесь главную роль играл сословный фактор), а также местом совершения такого преступления. Не нужно

также упускать из вида того обстоятельства, что воеводы на местах не имели каких-либо законодательных закрепленных инструкций по поводу того, в какой именно приказ отправлять изветы, отписки и другие документы по возбужденному политическому преступлению – этот вопрос решался, исходя из складывающейся практики, основанной, в свою очередь, на имеющихся у воеводы связях с московскими приказами (многие воеводы были назначенцами из Москвы), а также из представлений воевод и других чиновников о целесообразности отсылки документов в тот или иной приказ [13, с. 84]. Например, дела по преступлениям, в которых были участниками жители других государств, рассматривались в своем большинстве в иноземном приказе. Не оставался в стороне от участия в делах по государственным преступлениям и стрелецкий приказ, хотя, на первый взгляд, он не должен был быть к этому причастен; однако когда стрельцы несли караульную службу в городе и кто-либо кричал за собой «государево слово», то стрельцы, задержав его, вели сначала в свой «родной» стрелецкий приказ, где сразу же приступали к расспросу и розыску, то есть производили, выражаясь современным процессуальным языком, первоначальные действия.

Тем не менее ведущее место в судебно-юрисдикционной деятельности занимал разрядный приказ, что подтверждается не только тем обстоятельством, что большинство сохраненных протоколов, грамот, отписок и других документов, которые составлялись в рамках расследования и принятия судебного решения по государственным преступлениям, содержат сведения о производстве дел именно в этом приказе, но и тем, что те же воеводы направляли в этот приказ отписки даже по таким политическим делам, по которым они получали указания и инструкции от других приказов. Последнее, в свою очередь, объяснялось тем, что именно разрядный приказ направлял деятельность воевод и соответственно был для воевод ближе, чем другие приказы, поскольку от мнения приказных начальников во многом зависело положение воеводы. Государственные же преступления в силу своей важности и щекотливости при неверном выборе позиции воеводы могли ударить по ним бумерангом, и поэтому провинциальные начальники, не желая рисковать, направляли отписки в разрядный приказ, хотя и не всегда.

В.О. Ключевский в этой связи отмечал, что разрядный приказ находился в особенной близости к органам верховной власти, что он был своеобразным отделением «думской канцелярии», а дума и государь являлись важнейшими инстанциями политического судопроизводства Московского государства [14, с. 423]. Вместе с тем не следует переоценивать роль приказов. Дело в том, что если даже по малым незначительным политическим преступлениям (по «безхитростным непристойным словам») приговоры выносили государь или Боярская дума, то понятно, что компетенция приказов при таком раскладе была ничтожной. Об этом свидетельствует и анализ уголовно-процессуальных норм Соборного уложения, где тем же «безхитростным непристойным словам» не нашлось места, а по преступлениям более важным, конечно же, законодатель отводил в качестве субъекта принимающего решение суда государю и боярам, то есть Уложение подчеркивает судебную-решающую роль органов верховной власти.

К тому же нужно иметь в виду, что вышеупомянутые отписки и другие документы, относящиеся к расследованию и судебному разбирательству дел по государственным преступлениям, хранились именно в приказах, в них уже было довольно развито делопроизводство. В контексте рассматриваемой проблематики представляет интерес содержание ст. 11 Гл. X Соборного уложения, где регулируются вопросы делопроизводства в суде: «А судные дела в приказах записывати подьячим, а черненыя бы и межь строк приписки и скребения в тех записках не было. А как суд отойдет, и исцу и ответчику к тем запискам прикладывати руки. А которые грамоте не умеют, и в тех место прикладывати руки, кому они верят. А как подьячей с тоя записки судное дело напишет на белом, и дячку,

справа то дело с прежнею запискою, закрепить своею рукою, а прежнюю записку подъячему за исцовою и за ответчиковою рукою держати у себя впредь для спору. А как судное дело вершится, и та записка за исцовою и за ответчиковою рукою подклеити под судное же дело впредь для спору же» [2]. Согласно этой норме судебное делопроизводство состояло из двух стадий. Сначала подъячий вел непосредственную запись хода рассмотрения дела в суде, составляя судный список, к которому по окончании слушания «прикладывали руки» [2]. Характерно запрещение законом каких-либо правок и подчисток в судебном списке, причем, судя по статье, этого нельзя было делать даже в процессе их составления, еще до рукоприкладства сторон, не говоря о дальнейшем. Вторая стадия состояла в переписывании подъячим хода дела набело, сверке дьяком белого текста с первоначальным и заверкой им же белого экземпляра. По завершении суда к делу подклеивалась и первоначальная записка с рукоприкладством сторон.

Кроме того, Уложение содержало регламентацию делопроизводства только в отношении дел, рассматриваемых судебным или обвинительным процессом. Это вытекает не только из того, что статья 11 помещена в главе «О суде», но главным образом из того, что в самой статье речь идет о «судных делах в приказах». Регламентации делопроизводства по делам о татьбе, разбое и т. п., решаемым в порядке розыскного процесса, и тем более по политическим преступлениям, уложение не содержит (он регламентирует только стадии следствия - допрос, очная ставка, повальный обыск, пытка – Глава XXI).

И это не случайно. Дело в том, что гражданские дела, рассматриваемые судом, не исключали возможности апелляции в вышестоящую инстанцию, а потому делопроизводство должно было вестись со всей строгостью «впредь до спору». В политических же делах апелляция, как выше уже отмечалось, исключалась. В литературе в этой связи справедливо указывается, что отсюда не следует, что в уголовном суде не было делопроизводства - велись записи пыточных речей, очных ставок, допросов, приговора, что отражало общую тенденцию - возрастание роли документа в судебном процессе [15, с. 186]. Очевидно, по государственным преступлениям делопроизводство велось аналогично, учитывая, что судебнo-юрисдикционной разделенности приказов не существовало. Как видно, судебная самостоятельность приказов носила ограниченный характер. Более того, власть не спешила узаконивать складывающуюся уголовно-процессуальную практику в части повышенной роли приказов в истолковании указаний верховной власти. Подавляющее большинство дел содержит в себе данные, свидетельствующие о решающей роли верховной власти.

Список литературы:

1. Высшие органы государственной власти и управления России 1X-XX вв. / Под общ. ред. А.С. Тургаева. СПб: Образование-Культура, 2000.
2. Соборное уложение от 19.01. 1649 г. // ПСЗ-1. № 1.
3. Ярыш В.Д. Современная оценка Соборного уложения 1649 г. как источника права // Общество и право. 2021. № 1. С. 137-142.
4. Курдюк П.М., Упоров И.В., Акопян А.В. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации: монография. Краснодар, 2007.
5. Панях В.М. / Комментарий к Гл. X Соборного уложения // Соборное уложение 1649 года. Л.: Наука, 1987.
6. Рябченко А.Г., Злыденко Д.С. Особенности организации судебного процесса по государственным преступлениям в Московском государстве в XVII веке // Общество и право. 2023. № 2. С. 80-84.

7. Упоров И.В. Первое законодательное регулирование тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 86-90.
8. Рябченко А.Г., Федоренко С.А. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в Московском государстве в XVI – XVII вв. и субъекты ее осуществления // Право и практика. 2021. № 4. С. 35-39.
9. Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича. 1649г. М., 1911. Т. 1.
10. Акты Московского государства / Изд. имперской Академией наук. СПб., 1894. Т.2.
11. Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999.
12. Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
13. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XV11 век). Екатеринбург, 1998.
14. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. СПб., 1882.
15. Маньков А.Г. / Комментарий к Гл. X Соборного уложения // Соборное уложение 1649 года. Л.: Наука, 1987.

References:

1. The Supreme Bodies of State Authority and Administration of Russia in the 9th-20th Centuries / Under the general editorship of A.S. Turgayev. St. Petersburg: Obrazovanie-Kultura, 2000.
2. The Cathedral Code of January 19, 1649 // PSZ-1. No. 1.
3. Yarysh V.D. Modern Assessment of the Cathedral Code of 1649 as a Source of Law // Society and Law. 2021. No. 1. Pp. 137-142.
4. Kurdyuk P.M., Uporov I.V., Akopyan A.V. Crime as a Socially Dangerous Phenomenon and State Coercion as a Method of Its Neutralization: Monograph. Krasnodar, 2007.
5. Paneyakh V.M. / Commentary on Chapter Tenth Cathedral Code // Cathedral Code of 1649. Leningrad: Nauka, 1987.
6. Ryabchenko A.G., Zlydenko D.S. Features of the Organization of Trial for State Crimes in the Muscovite State in the 17th Century // Society and Law. 2023. No. 2. pp. 80-84.
7. Uporov I.V. The First Legislative Regulation of Imprisonment as Punishment in Russian Law // State and Law. 1998. No. 9. pp. 86-90.
8. Ryabchenko A.G., Fedorenko S.A. Features of Criminal Procedure Activity in the Muscovite State in the 16th – 17th Centuries and the Subjects of Its Implementation // Law and Practice. 2021. No. 4. pp. 35-39.
9. Novombergsky N. The Sovereign's Word and Deed. Processes before the Publication of the Code of Alexei Mikhailovich. 1649. Moscow, 1911. Vol. 1.
10. Acts of the Moscow State / Published by the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg, 1894. Vol. 2.
11. Belyaev I.D. History of Russian Legislation. St. Petersburg, 1999.
12. Gurlyand I.Ya. Order of the Great Sovereign of Secret Affairs. Yaroslavl, 1902.
13. Vershinin E.V. Voivodeship Administration in Siberia (16th century). Yekaterinburg, 1998.
14. Klyuchevsky V.O. Boyar Duma of Ancient Rus'. St. Petersburg, 1882.
15. Mankov A.G. / Commentary on Chapter X Cathedral Code // Cathedral Code of 1649. L.: Nauka, 1987.